

Пешки

Местные предания гласят, будто бы Екатерина Вторая, возвращаясь в Петербург, доехала в карете до Красной горы и неожиданно для многочисленной своей свиты остановилась, чтобы пройтись под горку пешком. Видимо, она себе под горку шла-шла и дошла аж до самой почтовой станции. И за то время, пока мужики переменяли лошадей, Екатерина даже не присела, а все ходила и ходила вокруг, присматривалась ко всему, о чем-то думала, что-то замышляла, а потом так же неожиданно забралась обратно в свою императорскую карету и умчалась прочь. Она умчалась отсюда прочь, казалось, ничего после себя не оставив, кроме уставших и измученных лошадей, но народ окрестный оставил в памяти, что матушка-императрица не просто здесь побывала, не так, как в остальных местах, а по-особому: походила пешком, прямо по сырой земле своими царициными ногами. Так почему бы неизвестному и затерянному на бескрайних просторах селению не отразить в самом своем названии этот невероятный и удивительный эпизод? Почему бы не отметить тем самым величие царственной Екатерины и бесконечную любовь к ней народа? Так, будто бы, появилось у придорожного селения название – Пешки.

А может, что и не так. Кто сейчас проверит? А еще через некоторое время и проверять будет нечего. Старая часть деревни, та самая, по которой пешком расхаживала Екатерина, представляет собою не более двух десятков домов, в которых живут три пенсионера, коим за восемьдесят, да еще двадцать пенсионеров, которым за семьдесят. А больше в Пешках никого нет. Те частные дома, многоквартирные пятиэтажки и еще какие-то здания и административные постройки, находящиеся чуть выше старого села, – не Пешки вовсе, а обыкновенный жилой поселок при местном совхозе-птицефабрике. Там живут и рязанские, и смоленские, и туляки, и все прочие, которые меняют или покупают здесь квартиры. Они то приезжают, то уезжают

обратно. Половина из них работает здесь, половина неизвестно где. Словом, какие же это Пешки и какая там могла быть Екатерина?

Вся история деревни происходила вот здесь, где находятся одни лишь старые дома, разделенные полосой автострады. Здесь, с левой стороны, были и трактир, и почтовый двор, на котором останавливались и переменяли лошадей путники, в том числе наши Радищев и Пушкин. Именно здесь Александр Николаевич, уже предвкушая встречу с Москвой, зашел в крестьянскую избу, чтобы съесть кусок припасенного жареного мяса.

«Сколь мне ни хотелось поспешать в окончании моего путешествия, но, по пословице, голод – не свой брат – принудил меня зайти в избу и, доколе не доберуся опять до рагу, фрикасе, паштетов и прочего французского кушанья, на отраву изобретенного, принудил меня пообедать старым куском жареной говядины, которая со мною ехала в запасе. Пообедав сей раз гораздо хуже, нежели иногда обедают многие полковники (не говорю о генералах) в дальних походах, я, по похвальному общему обыкновению, налил чашку приготовленного для меня кофию и услаждал прихотливость мою плодами пота несчастных африканских невольников».

Александр Николаевич кушал жареную говядину, но взгляд его был сосредоточен на избе:

«Четыре стены, до половины покрытые, так, как и весь потолок, сажеею; пол в щелях, на вершок по крайней мере поросший грязью; печь без трубы, но лучшая защита от холода, и дым, всякое утро зимою и летом наполняющий избу; окончины, в коих натянутый пузырь, смеркающийся в полдень, пропускал свет; горшка два или три (счастливая изба, коли в одном из них всякий день есть пустые шти!). Деревянная чашка и кружки, тарелками называемые; стол, топором срубленный, который скоблят скребком по праздникам. Корыто кормить свиней или телят, буде есть, спать с ними вместе, глотая воздух, в коем горящая свеча как будто в тумане или за завесою кажется. К счастью, кадка с квасом, на уксус похожим, и на дворе баня, в коей коли не парятся, то спит скотина. Посконная рубаха, обувь, данная природою, онучки с

лаптями для выхода. – Вот в чем почитается по справедливости источник государственного избытка, силы могущества», – заключает Радищев, и буквально взрывается: «Звери алчные, пиявицы ненасытные, что крестьянину мы оставляем?».

Не так мрачно оценивал быт российских крестьян Александр Сергеевич Пушкин, внимательно рассматривая рисунки, «присовокупленные» к книжке Радищева:

«Ничто так не похоже на русскую деревню в 1662 году, как русская деревня в 1833 году. Изба, мельница, забор – даже эта ёлка, это печальное тавро северной природы – ничто, кажется не изменилось. Однако произошли улучшения, по крайней мере на больших дорогах: труба в каждой избе; стекла заменили натянутый пузырь; вообще более чистоты, удобства, того, что англичане называют *comfort*. Очевидно, что Радищев начертил карикатуру; но он упоминает о бане и о квасе, как о необходимостях русского быта. Это уже признак довольства».

...В Пешках я остановился у одной из придорожных изб, заметив возле калитки старенькую сторбленную женщину с авоськой. Ею оказалась семидесятишестилетняя пенсионерка, прожившая в этом селе почти всю свою жизнь. Она сразу же согласилась рассказать о Пешках, ответить на мои вопросы и для этого пригласила к себе в дом.

Валентина Васильевна долгое время работала учительницей в местной школе, но вот уже лет двадцать, как на пенсии. Мужа своего, фронтовика, похоронила несколько лет назад. Одиночество скрашивают кошки. Их в доме пять или шесть, сосчитать невозможно, так как они постоянно носятся, залезают на стол, подоконник, к хозяйке на руки. Я просил рассказать об истории этой деревни, о современной жизни, о себе, но разговор сразу же и определенно пошел о войне, точнее, о её непосредственном начале для жителей Пешек и для самой Валентины Васильевны.

Конечно, война началась за несколько месяцев до того. Войной люди жили, вслушиваясь в радиосводки, читая газеты, получая информацию от местного руководства и народной молвы, но пока это была война где-то там, за горизонтом. И все же она незримо и

неотвратимо приближалась, и в Пешках, находившихся на важнейшей стратегической дороге страны, это приближение чувствовали все отчетливее. Всех зрелых мужчин села мобилизовали на военный фронт, а нескольких молодых и крепких женщин призвали на фронт трудовой. Они рыли недалеко от Пешек противотанковые траншеи, участвуя в том, что в военных энциклопедиях будет отмечено как «Клинско-Солнечногорская оборонительная операция».

Была поздняя осень, вечерело рано, погода была прескверная – дождь со снегом, нескончаемый ветер, грязь, слякоть, все было по колени в глине, словом, удовольствия мало, но все же, но все же... Вокруг все свои. И речь, хоть и грубая, но родная, и места свои, родные, и лица, в общем-то, свои, и дом здесь недалеко, и порядки, пусть жестокие, но знакомые, свои... Настоящую войну, какая она на самом деле, кроме нескольких стариков-ветеранов первой мировой, здесь еще не видели. Проклятая, ненавистная, страшная, но еще не виденная, она с каждым днем становилась ближе. Где-то там, на фронтах, воюют твои родные, близкие: мужья, сыновья, отцы, братья, а ты роешь траншеи и постоянно думаешь о них, находясь в тылу. Пока еще в своём. Все ведь знали, что Красная Армия отступает. А что станет с тобой потом, когда прокатится через твое село, через тебя саму кровавый фронт? В тылу своих – это одно, а в тылу у немца – совсем другое!.. Вот какие чувства переживали жители Пешек в те дни. Это было страшное и все более нарастающее ощущение войны и приближения смерти: к твоему дому, к тебе самому...

Поскольку здесь проходит дорога, то можно было наблюдать все увеличивающуюся суету, ощущать по часам возрастающую тревогу и слышать все новые и новые сведения, слухи, домыслы: *«Фашисты уже в Клину!»*, *«Они въехали на мотоциклах в Солнечногорск!»*, *«Уже совсем недалеко идут бои...»* Везде, на всех постах, мостах, дорогах, стояли суровые патрули: никого никуда не пропускали, и даже попасть к себе в избу было для Валентины Васильевны делом непростым...

Но вот внезапно наступила тишина, на мгновение всё вокруг опустело, стало тихо и как-то даже торжественно... А затем, со стороны железной дороги, началась жуткая стрельба, грохот орудий, залпы, снаряды... Начался бой. Так пришла сюда, в Пешки, война. И не

пешком, как Екатерина, а на мотоциклах с колясками, на странных «не наших» машинах, в каких-то страшных касках, в тоненьких шинелях и коротких сапогах на большом каблуке.

Всю ночь шел бой, и люди старались спрятаться, где только можно. Но где же спрячешься, когда все избы деревянные, а само село как на ладони? Тогда все, кто мог, и верующие и атеисты, потянулись в церковь: поближе к Богу. Не потому, что уверовали, а больше потому, что стены там были толстыми, кирпичными. К ночи в церкви скопилось столько народу, что даже повернуться было невозможно. Не так ли в древних русских соборах спасались от врага? И часто бывало, что гибли все вместе – от княжеской семьи до простых смертных. Соборно жили, соборно и умирали...

Кстати, чем отличается село от деревни?

Село – это большое крестьянское селение, хозяйственный, административный и, главное, религиозный центр близлежащих деревень. Это значит, что в селе, в отличие от деревни, есть церковь. Так что Пешки были все же селом...

Итак, наутро решили посмотреть: кто в селе? Оказалось – наши с боем отступили, а в Пешках – фашисты! Всё чужое, всё не своё, непривычное. Язык не тот, суета не наша, порядок не свой... Вот такое первое впечатление от пришедшей войны. Кто-то из стариков, воевавших еще в первую мировую, заметил: не только немец здесь, есть еще финны, венгры, румыны, чехи... А среди немецких солдат, как показалось, в основном пацаны – по пятнадцать-шестнадцать лет.

– Зашли они в избу, – рассказывает Валентина Васильевна. – Главный их офицер – в очках. Вся эта ихняя молодежь сразу кинулась греться. Наши старушки тут стоят, и эти немцы тоже к печке жмутся. Вообще они были страшно голодные. Почему-то у них ничего не было. Они ходили по уцелевшим домам, лазили в печки, искали еду и требовали: «Матка, супу!» Они сами доили коров и, конечно, всех гусей и кур в Пешках порезали. Там, где сейчас памятник воинам, на краю села, раньше было картофелехранилище. Наши, когда отступали, эту картошку облили бензином и сожгли, чтобы немцу не досталась. И шоссе, при отступлении, тоже взорвали. Так всё было перепаханно, вздыблено, что на другую сторону села нельзя было попасть. А потом, к

вечеру, опять такой был бой! Трассирующие пули летели, как из лейки. Думаешь, палец высунешь – в мочало сразу же превратится. Наши поставили свои орудия на Красной горе у села Есипово и оттуда лупили по немцам. Немцы поставили свои пушки прямо у храма и били по Красной горе. А жители Пешек находились между двух огней. Прятались опять в церкви. Там был подвал, куда жители сложили свой скарб: вещи, чемоданы, котомки. И вот в купол попал снаряд, и этот купол упал прямо при входе в церковь и завалил подвал.

Это было самое критическое для страны время. Где-то у разъезда Дубосеково стояли насмерть панфиловцы, недалеко отсюда у деревни Крюково погибал взвод, умирали на подступах к Москве тысячи и тысячи других героев. Это было в те самые дни и даже часы, о которых сейчас рассказывает Валентина Васильевна.

Оккупация Пешек была недолгой. Вскоре, всё с той же Красной горы, откуда когда-то шла пешком Екатерина Вторая, наши погнали фашистов из Пешек, а потом и вообще из России...

Вот о чем рассказала Валентина Васильевна. Значит, из всего того, что она знает о своих Пешках, самым важным для неё является начало войны, тот день или, точнее, вечер, когда после неожиданной и странной тишины вдруг началась страшная стрельба. Так что, проезжая по этим мирными и тихим сегодня местам, мимо малозаметных Пешек, мимо других неказистых сел и деревень, вспомним, что здесь нет такого клочка земли, который бы не был полит кровью наших солдат, ополченцев и простых жителей. В память о том времени – памятники нашим солдатам, венки и цветы у их подножий. И так на всем нашем пути от Москвы до Санкт-Петербурга. Сбавим ход, притормозим, вспомним павших и поклонимся им...

– А как живется вам теперь? – спрашиваю у Валентины Васильевны. – Помните, Радищев в Пешках описывал крестьянскую избу? И Пушкин о крестьянском быте рассуждал тоже здесь, в Пешках.

– Конечно, помню, – говорит Валентина Васильевна. – Здесь Радищев обедал и даже дал крестьянскому мальчику «боярского кушанья» – кусочек сахара.

– А можно ли сравнивать: как вы живете сейчас и как жили простые люди тогда, во времена Радищева?

– Да что вы? Какое может быть сравнение? У меня есть электричество, телевизор, вода в колонке через два дома... Какое сравнение! Печка у меня есть, паровое отопление. Там, на чердаке, котёл, в который я заливаю воду, и она по трубам бежит и греет. Топим дровами. Как сельскохозяйственным работникам, нам положено десять кубометров на отопительный сезон. У нас в Солнечногорске есть отдел, который малоимущим и одиноким пенсионерам, а мы тут в Пешках почти все одинокие, дает льготы по отоплению и освещению. Правда, дрова приходится доставать с большим боем. Надо самим ходить, искать трактор, нанимать тракториста, а этому трактористу нужна бутылка... У меня есть огород, так что я обеспечиваю себя и картошкой, и огурцами, и капустой. Какое сравнение может быть! Есть еще участок – двадцать пять соток, у дороги, но там ничего не растет из-за автомобильного газа. Пенсии у нас небольшие. У меня – двести шестьдесят тысяч.

Когда я зачем-то спросил, что думает Валентина Васильевна о политике, она буквально переменялась в лице, а голос стал жестким и суровым.

– Знаете что! Я так скажу. Я не обвиняю правительство. Они все правильно делают. Но народ до того распустился, разболтался, ничего не хочет понять. Ничего! Работать никто не хочет, хотят все быть какими-то кооперативщиками, какими-то предпринимателями, всем надо какую-то валюту... Я вот тут на днях была в Солнечногорске и зашла узнать насчет платы за электричество, так там, смотрю, такая очередь! Я думала за электричество люди пришли платить, а там, оказывается, стоят доллары менять на наши рубли. И где только, скажите, они берут эти доллары? Потом, все эти «челноки»... Они нигде не работают, а только ездят за границу, покупают там всякий хлам и везут его сюда продавать. Вы поезжайте в Солнечногорск. Там они стоят и чего только не продают... Там есть такой хлебокомбинат, и они выпекают и тут же продают горячий хлеб. Много всяких сортов. *(Голос Валентины Васильевны вновь стал мягким и спокойным.)* Такие есть булочки и такие батоны, прямо, такие вкусные. Туда все стараются ездить и покупать...

– Так это же хорошо, – говорю я.

– Хорошо-то, хорошо, но не по карману... Я против всех этих Дум (*голос опять стал жестким*). – Две Думы у нас – нижняя и верхняя. Зачем они такие нужны? Только спорят между собой и никак не договорятся...

После «политического разговора» я осторожно попросил Валентину Васильевну показать ее дом.

– Конечно, конечно, – Валентина Васильевна встала из-за стола, но вдруг глаза ее налились слезами, а голос вновь поменялся: стал каким-то глухим, низким и тихим, словно задыхающимся.

– Вы меня простите, у меня ведь недавно сына машиной убило вот на этой самой дороге... Похоронили месяц назад, тут на кладбище... Он ремонтировал всем телевизоры, был такой безотказный, такой добрый... Сейчас ведь если телевизор сломается, то новый уже не купить. И в тот вечер соседи попросили его прийти к ним, посмотреть телевизор и, если можно, отремонтировать. А жили они через дорогу. Он пошел к ним, а машина его сбила...

Мы помолчали и пошли осматривать дом.

Деревянная изба, которую отстроили после войны, состоит из крыльца, небольшой прихожей, в которой происходила наша беседа, кухоньки, разделенной с прихожей печкой-шведкой, комнаты-гостиной, где стоит старенький телевизор и, кажется, еще более старые шкаф с посудой, стол и диван. На стене старые советские часы, которые исправно ходят, рядом развешаны фотографии, среди них – портрет погибшего сына... Когда-то здесь было живо и весело, приходили гости, пили, ели, пели песни, вспоминали прошлое, строили планы на будущее. Теперь здесь тихо и темно, и что останется от всего этого еще через десять лет – неизвестно. Есть еще одна маленькая комната-спальня, разделенная с гостиной стенкой из фанеры. Там обычная кровать, тумбочка, какие-то вещи. Ни в гостиной, ни в спальне отопления нет, потому что Валентина Васильевна живет вместе со своими кошками в маленькой отапливаемой прихожей. Скоро зима.

Я попрощался с Валентиной Васильевной, а она посоветовала заехать в Солнечногорск, в местный краеведческий музей, чтобы побольше узнать о Пешках. Можно бы, да только какой музей заменит саму Валентину Васильевну?

* * *

На 74-м километре, уже после Солнечногорска, справа от дороги небольшой памятник: простенький постамент и на нём – каменный диск в виде хоккейной шайбы. На нем надпись: **«Здесь погасла звезда русского хоккея Валерий Харламов»**.

На постаменте увядшие цветы, памятный вымпел от провинциальной хоккейной команды и несколько конфет, которые, видимо, положили дети.

...Я видел Харламова несколько раз, когда в начале семидесятых великая команда ЦСКА приезжала в Свердловск на игры с местным «Автомобилистом». Это были праздники для каждого, кто любил хоккей. Харламов был в зените славы. Помню, достались нам с моим школьным другом Володей Колмогоровым места в первых рядах, прямо за спинами скамейки армейских хоккеистов, и я мог наблюдать за Харламовым вблизи, не отрывая глаз. Нас поразило то, как жестко, рискованно, безоглядно он играет. Было впечатление, что он вышел на свою последнюю игру, проводит последнюю атаку. Его партнеры –

Борис Михайлов и Владимир Петров – также работали как прокаженные. Они не щадили ни себя, ни соперника, и я был шокирован этим безумным азартом, хотя сам в то время играл в хоккей и знал, что это такое. От Харламова разлеталось всё по сторонам, как рассыпаются искры от режущегося металла. Мы болели, конечно, за

своих, и нам было их жаль, потому что Харламов никого из них не щадил. Сейчас его друзья пишут и говорят о том, что Валерий Харламов был всецело поглощен хоккеем, жил им. Но я видел, как сам хоккей нещадно поглощался Харламовым. И это было зрелище незабываемое.

Для советских людей, оторванных от того, что принято называть цивилизацией, и живших во лжи и лицемерии, наш хоккей, с его мировой славой, был, быть может, единственной Правдой, с которой мы преодолевали отчуждение от остального мира. Отсюда наша всеобщая беззаветная любовь к хоккею в пресловутые «застойные годы».

Вот и хоккей для нас был больше чем хоккей, и Валерий Харламов – больше чем хоккеист!